

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских и романских языков и прикладной лингвистики

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
_____ О.В. Магировская
« ___ » _____ 2023 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

45.03.02 Лингвистика

ДИСКУРСИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА К РОССИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Научный руководитель	_____	канд. филол. наук, доц. Н.О. Кузнецова
Выпускник	_____	М.Н. Федоренко
Нормоконтролер	_____	М.В. Аспатурян

Красноярск 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ДИСКУРСИВНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ	7
1.1. Дискурс в системе дисциплинарного знания.....	7
1.2. Особенности дискурса масс-медиа.....	14
1.3. Исторический контекст присоединения Крымского полуострова к Российской Федерации.....	22
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	29
ГЛАВА 2. ДИСКУРСИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА К РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	30
2.1. Номинация политического события.....	30
2.2. Оценка события.....	38
2.3. Участники события.....	45
2.4. Временной аспект и последствия события.....	54
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	59
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	62
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	66

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении долгих лет не утихает спор относительно территориальной принадлежности Крымского полуострова. Так называемый «крымский вопрос», иными словами, вопрос легитимности крымского референдума 2014 года и последующего присоединения полуострова к территории Российской Федерации, продолжает вызывать разногласия даже сегодня.

В рамках данного исследования получает описание репрезентация политического события присоединения Крымского полуострова к России в англоязычном медиадискурсе. С самого момента присоединения Крыма к России в 2014 году данный вопрос неизменно привлекал внимание самых различных средств массовой информации. В зависимости от политической позиции и задачи авторов материала, изменяется как оценка действий участников конфликта, так и язык текста.

Актуальность работы состоит в том, что на данном этапе развития языкового знания именно когнитивно-дискурсивные исследования способны отражать истинную картину происходящего в мире. При помощи языковых инструментов такие исследования устанавливают, что скрывают языковые единицы и какую позицию принимают авторы дискурса. В медиадискурсе репрезентировано коллективное мнение общества и особенности его отношения к определенному событию. Вместе с тем, именно языковая репрезентация во многом формирует языковую и культурную картину мира, создавая представление аудитории о тех или иных политических событиях. Присоединение Крыма можно с уверенностью назвать одним из наиболее ярких политических событий новейшего времени, поэтому даже спустя почти десять лет оно продолжает влиять на ситуацию в мире и привлекать внимание СМИ.

Объектом исследования выступает политическое событие присоединения Крымского полуострова к Российской Федерации в 2014 году.

Предметом настоящего исследования является языковые средства репрезентации присоединения Крыма в англоязычном медиадискурсе.

Цель данной работы – описать языковые средства репрезентации присоединения Крыма в англоязычном медиадискурсе.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнение следующих задач:

1. Рассмотреть понятие и сущность дискурса в современной лингвистике.
2. Изучить и раскрыть термин медиа-дискурс, рассмотреть его особенности и отличительные черты.
3. Ознакомиться с историческим контекстом присоединения полуострова к России.
4. Изучить основные аспекты присоединения Крыма.
5. Рассмотреть лексические, стилистические и синтаксические единицы, выступающие в качестве средств номинации и оценки элементов политического события в медиа-дискурсе.
6. Изучить средства репрезентации участников событий.

Теоретическую основу исследования составляют работы Б.М. Гаспарова, В.И. Карасика, В.В. Красных, В.А. Масловой, В.Н. Немченко, Ю.С. Степанова, Е.В. Темновой, Н.И. Формановской, Э. Бенвениста, Т.А. ван Дейка и др.

Для проведения представленной работы мною были использованы следующие **методы исследования**: общенаучные: наблюдение, анализ, описание; лингвистические: метод сплошной выборки, метод частотного анализа, дефиниционный анализ, интерпретативный, контекстуальный анализ.

Материалом данного исследования послужили 100 новостных сообщений ведущих британских и американских информационных агентств (*BBC News, Sky News, Fox News, CNN, The New York Times* и др.), опубликованных в период с 20.02.2014 по 31.12.2022 гг.

Практическая значимость данной работы обусловлена ее актуальностью обоснована тем, что на данном этапе развития языкового знания когнитивно-дискурсивные исследования способны отражать истинную картину происходящего в мире. Именно языковая репрезентация во многом формирует языковую и культурную картину мира, создавая представление аудитории о тех или иных политических событиях.

Структура работы определяется поставленной целью и задачами исследования, а также особенностями материала исследования. Бакалаврская работа общим объемом 68 страниц состоит из введения, теоретической и практической глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 47 наименований, в том числе 5 на иностранном языке.

Во **Введении** обосновываются выбор темы исследования, актуальность, определяются объект и предмет исследования, цели и задачи работы, описываются методы и значимость работы, источники теоретической и методологической базы.

В **Первой главе** «Лингвистические исследования особенностей дискурсивной репрезентации» рассматриваются и систематизируются основные подходы к определению понятий «дискурс», исследуется специфика институционального медиадискурса, выявляются основные особенности языка СМИ, а также приводится историческая справка, характеризующая события, предшествовавшие присоединению полуострова к России.

Во **Второй главе** «Дискурсивная репрезентация присоединения Крымского полуострова к России» описывается специфика репрезентации основных аспектов присоединения Крыма как события глобальной

значимости, получающего освещение в американском и британском новостном медиадискурсе.

В **Заключении** формулируются выводы работы, перспективы для дальнейших исследований.

ГЛАВА 1. ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ДИСКУРСИВНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

1.1. Дискурс в системе дисциплинарного знания

Вопрос динамичности семантики термина «дискурс» в лингвистике вполне правомерен, поскольку даже сейчас, когда явление считается одним из наиболее используемых в гуманитарных науках, отсутствует общепризнанное определение понятия. Происходит это потому, что термин оказывается востребованным сразу во множестве научных дисциплин. Междисциплинарная природа понятия подразумевает существование некоторого количества отличных определений и, даже в рамках одной дисциплины и одной научной парадигмы, равнозначность нескольких определений термина. Множество специалистов затрагивали тему дискурса в своих исследованиях, зачастую реконтекстуализируя понятие и придавая ему отличное значение.

Еще до появления науки дискурсологии и теории дискурса были попытки дать определение явлению дискурса. По утверждению лингвиста В.З. Демьянкова, лексема «discursus» впервые была зафиксирована в V в. [Демьянков, 2005]. В латинском языке она имела значение «беседа, разговор», в русском же языке впервые встречается в конце XVIII в. и является синонимом понятия «речь». Собственно, лексема «речь» и становится общеупотребимой в научном сообществе, поэтому мы не встречаем «дискурс» в трудах по теории речи. В XIX в. французское слово «discours» стало обозначать «диалогическую речь» [Там же]. В словаре Я.В. Грима «*Deutsches Woerterbuch*» указаны такие семантические параметры термина, как речь, лекция, диалог, беседа [Грим, 1785]. Подобный подход к определению явления характерен для периода становления лингвистики текста, науки, изучающей цепь высказываний – текст, характеризующийся рядом черт, таких как связность, целостность, завершенность и т.д. В

некоторых работах, посвященных лингвистике текста, термин «текст» заменяется на термин «дискурс».

Полисемичность явления также зафиксирована в «Кратком словаре терминов лингвистики текста», где мы находим следующее определение: «Дискурс — многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них:

1. Связный текст.
2. Устно-разговорная форма текста.
3. Диалог.
4. Группа высказываний, связанных между собой по смыслу.
5. Речевое произведение как данность — письменная или устная»

[Николаева, 1978: 97].

Появившись в рамках работ, посвященных лингвистике текста, теория дискурса последовательно стремилась к разграничению понятий дискурса и текста, так и не утратив, однако, своей связи с лингвистикой текста. Так, дискурс все еще часто синонимичен тексту и речи, но понятие «дискурс» шире понятия «текст», поскольку первое явление обязательно «включает понятие сознания», «являясь синтезом двух ведущих направлений современности — когнитивного и коммуникативного» [Темнова, 2004: 29]. Современные ученые часто определяют дискурс как «текст (как основа коммуникации), погруженный в ситуацию социального общения» [Седов, 1999: 102; Кубрякова, 1972: 281; Слышкин, 2000: 88]. Понятие социального общения может относиться к самым разнообразным сферам жизни человека, и часто бывает невозможно определить, как конкретный автор понимает определенные явления (в данном случае — дискурс). В отличие от естественных наук, в рамках которых существует ряд непоколебимых истин и терминов, которые интерпретируются специалистами в соответствии с точными определениями, в рамках гуманитарных наук самого термина уже часто бывает недостаточно, и, для понимания того, как отдельный автор

воспринимает явление, неизменно требуется контекстуализация. Междисциплинарность еще более усложняет работу с ним.

Чтобы установить многообразие толкований термина, необходимо использовать диахронический подход к анализу языковых единиц. Общая теория дискурса берет свое начало в идеях французского лингвиста Э. Бенвениста, который заменил термин «текст» термином «дискурс». Он определял дискурс как «речь, присваиваемую говорящим» [Бенвенист, 1974: 34]. В соответствии с антропоцентрической парадигмой языка, дискурс стало возможно рассматривать как функционирование языка в живом общении, то есть язык «приводится в действие посредством индивидуального акта его использования» [Бенвенист, 2002: 223]. Исследователь интерпретирует предложенную швейцарским лингвистом Ф. де Соссюром парадигму «язык–речь–речевая деятельность», и ставит дискурс на промежуточную позицию в этой системе, где язык – это система, дискурс – это набор комбинаций, которые помогают говорящему использовать язык, а речевая деятельность – это механизм, который и позволяет осуществить эти комбинации [Цивьян, 1983: 34].

Как пишет Б.М. Гаспаров, всякий акт употребления языка вбирает в себя и отражает уникальное стечение обстоятельств, при которых и для которых был создан. Язык обладает способностью отражать особенности неповторимых обстоятельств, коммуникативные намерения автора, отношения автора и адресата, идеологические черты эпохи, стилистические черты коммуникативной ситуации и ассоциации с другим опытом автора. Языковая среда пребывает в непрерывном движении, поэтому каждый новый эпизод употребления языка происходит в условиях, которые неизменно отличаются, оказывая влияние как на автора и получателя сообщения, так и на его содержание [Гаспаров, 1996].

Дискурс обладает рядом других элементов – у него есть участники, события и обстоятельства, сопровождающие события: нам важно, кто является субъектами коммуникативной ситуации, что говорится в ее рамках

и как эта информация подается. «Дискурс – это единство текста и коммуникативной ситуации» [Карасик, 2002: 35]. Это взаимодействие людей, каждый из которых обладает рядом своих собственных уникальных убеждений, что неизменно находит отражение в самом дискурсе. Также необходимо учитывать множество социальных факторов, которые оказывают влияние на процесс общения.

Нидерландский лингвист Т.А. ван Дейк утверждает, что дискурс представляет собой «сложное единство языковой формы, значения и действия» [Дейк, 1997: 240]. Он предлагает несколько различных определений дискурса. В первом случае, дискурс – комплексное коммуникативное событие в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контекстах. Также дискурс может являться неким текстом, то есть письменным или речевым вербальным продуктом коммуникативного действия, который интерпретируется получателями сообщения. Кроме того, дискурс может существовать для обозначения социальной группы или культуры [Дейк, 1998]. «Дискурс» также может быть синонимичен понятию «текст», однако дискурс все же является понятием более широким, поскольку обладает рядом особенностей, которыми текст не обладает, в частности, дискурс «включает в себя прагматико-процессуальные особенности речемыслительного произведения» [Шаймиев, 1999: 31]. По словам ван Дейка, различие между терминами заключается в том, что текст – это «понятие, касающееся системы языка или формальных лингвистических знаний, лингвистической компетентности», а дискурс – «это понятие, касающееся речи, актуального речевого действия» [Дейк, 1998: 76]. То есть, дискурс – это комплексное коммуникативное явление, которое кроме непосредственного текста включает и внешние факторы, в т. ч. определенный контекст. Т.А. ван Дейк также утверждает, что понятие «дискурс» часто используется для обозначения различных жанров, например, политического дискурса, новостного дискурса, научного дискурса и др. [Там же].

Профессор М. Стаббс в своих работах, посвященных социалингвистике, выделяет три основные характеристики дискурса. Во-первых, формальный аспект: дискурс представляется некой единицей языка, которая по объему превосходит предложение. Во-вторых, содержательный аспект: дискурс характеризуется связью с использованием языка в социальном контексте. В-третьих, организационный аспект: дискурс по своей природе интерактивен [Стаббс, 1983]. Необходимо так же отметить, что изучение любых языковых единиц, превосходящих по своему объему предложение, подразумевает анализ условий социального контекста. Лингвист П. Серио предлагает более развернутое определение: Он выделяет восемь возможных определений термина: речевая актуализация любых единиц языка, превосходящая фразу единица языка, синоним понятия «речь», воздействие сообщения на адресата, беседа как основной тип высказывания, идеологически ограниченный тип высказываний, предназначенный для исследования условий производства текста и речь с позиции говорящего [Серио, 1999].

С позиции социалингвистики дискурс может быть институциональным, то есть относящимся к определенному социальному институту, и персональным. Обратимся к подходу исследователя И.И. Леймана, который определяет социальный институт как «объединение людей, выполняющих специфические функции в рамках социальной целостности и связанных общностью функций, а также традиций, норм, ценностей; объединение, обладающее внутренней структурой и иерархией и отличающееся особым устойчивым характером связей и отношений как внутренних, так и внешних» [Лейман, 1971: 56]. Кроме того, существует система ценностей дискурса, которая определяет поведение его участников, коммуникативные стратегии для достижения некой цели, набор коммуникативных формул [Там же]. В.И. Карасик выделяет следующие компоненты институционального дискурса: участники, цель, хронотоп, ценности, стратегии, материал или тематика, разновидности и жанры,

наличие прецедентных текстов [Карасик, 2002]. Только взятые все вместе, они составляют суть дискурса. Институциональный дискурс представляет собой конвенциональное, нормативное речевое взаимодействие людей, принимающих на себя определенные статусные роли в рамках какого-либо социального организма, специально созданного для удовлетворения определенных потребностей общества. В.И. Карасик отмечает, что участниками институционального общения могут быть люди, которые не знакомы друг с другом, но обязательно соблюдают нормы поведения в данном социуме во время коммуникации [Карасик, 2000]. Основой институционального дискурса является взаимодействие базовой пары участников коммуникации, например, врача и пациента, учителя и ученика и т.д. М.Ю. Олешков выделяет следующие признаки, присущие институциональному дискурсу: статусно квалифицированные участники, локализованный хронотоп, конвенционально организованная в рамках данного социального института цель, ритуально зафиксированные ценности, интенционально «закрепленные» стратегии, ограниченная номенклатура жанров и жестко обусловленный арсенал прецедентных феноменов (имен, высказываний, текстов и ситуаций) [Олешков, 2007]. В свою очередь, персональный или личностно-ориентированный дискурс – это обобщенное понятие для обозначения различных видов дискурсов, в которых на первый план выходит личность говорящего, а не его принадлежность к определенной социальной группе [Карасик, 2000].

Традиционно выделяют политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный виды институционального дискурса [Попова, 2015]. Институциональный дискурс возникает в той среде, в которой реализуются функции какого-то социального института.

В современной науке сформировалось междисциплинарное направление дискурсологии, которое изучает «как методологические и

общетеоретические проблемы, связанные с природой, структурой и функционированием дискурса, так и вопросы, касающиеся типологии дискурсов и выявления их особенностей» [Григорьева, 2007: 134]. Дискурсология отошла от формалистской точки зрения на язык, предложив иной подход к анализу дискурса, поскольку появилась необходимость систематизировать знания о структурах, выходящих за рамки предложения и высказывания.

Подводя итог, дискурс – это вербализованная речемыслительная деятельность, взятая во всей совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов и закрепленная в форме устных и письменных текстов. В нашем исследовании мы следуем за определением, принадлежащим В.В. Красных: «Дискурс есть вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» [Красных, 2001: 200]. Это «живое воплощение языка», возможность, процесс и результат реализации мысли человека. По словам профессора Н.Д. Арутюновой, дискурс представляет собой «текст, взятый в событийном аспекте» и «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1990: 136]. Он обладает рядом характеристик, так, с позиции социолингвистики выделяются типы дискурса, соответствующие целям и типовым участникам соответствующего общения, а с позиции прагмалингвистики – типы дискурса, отражающие тональность и канал общения. Это комплексное явление можно рассматривать и как совокупность дискурсивных практик, и как синоним понятия «текст», и как любое случай употребления языка в целом. Актуальность понятия «дискурс» обуславливает многозначность явления и разнообразие научных интересов в его исследовании в рамках лингвистических наук и ряда смежных дисциплин, таких как прагмалингвистика, лингвостилистика и т.д. «Таким образом, можно утверждать, что независимо от национальной лингвистической школы или теоретического направления, термин «дискурс»

с момента своего появления применялся для исследования и описания явлений, относящихся к речи: «... дискурс – это первоначально особое использование языка <...> для выражения особой ментальности» [Степанов, 1995: 38]. Это может быть как коммуникативный процесс последовательного обмена смысловыми единицами – коммуникативными актами, так и результатом обмена семиотическими элементами. Кроме того, дискурс отражает фрагмент социальной реальности и часто используется для продвижения какой-то определенной идеологии.

1.2. Особенности дискурса масс-медиа

Вместе с развитием информационно-коммуникационных технологий, влияние средств массовой информации как социального института постоянно растет. Способы распространения информации постоянно эволюционируют, неизменно лишь одно – человек все так же бесконечно стремится к знаниям. В этом стремлении ему на помощь приходят различные СМИ, которые распространяют информацию о событиях в мире и, вместе с тем, культивируют важные концепты, составляющие концептосферу сообщества.

Медиадискурс составляют медиатексты, они же тексты массовой информации, и, как утверждает профессор Т.Г. Добросклонская, медиатексты являются на сегодняшний день одной из наиболее распространенных форм бытования языка, чья совокупная протяженность намного превышает общий объем речи в прочих сферах человеческой деятельности [Добросклонская, 2020]. Как пишет Т.Г. Добросклонская, «текст – это сообщение, медиатекст – это сообщение плюс канал, а медиадискурс – это сообщение со всеми прочими компонентами коммуникации» [Добросклонская, 2008: 35]. Выделяется два подхода к понятию медиадискурса. В первом случае, медиадискурс – это тип речемыслительной деятельности, являющийся характерным именно для информационного поля СМИ. Во втором случае,

медиадискурс – это один из множества видов дискурса, который лишь реализуется в СМИ.

Многие исследователи медиадискурса, в числе которых Т.Г. Добросклонская, Е.А. Уварова, Е.И. Шейгал, Е.А. Кожемякин и другие, акцентируют внимание на том, что медиадискурс является производным от общей концепции дискурса, следовательно, его необходимо изучать именно с позиции теории дискурса. Так, вновь обращаясь к Т.Г. Добросклонской, «медиадискурс – это совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия», в то время как речевая деятельность является предметом изучения дискурсологии [Добросклонская, 2006: 152]. Е.А. Уварова также считает, что медиадискурс «является особой разновидностью дискурса», и обозначает его как центральный концепт медиалингвистики [Уварова, 2015: 50]. В первую очередь, медиадискурс – это речемыслительное произведение событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и другими факторами. Другими словами, медиадискурс представляет собой совокупность всех процессов и производных речевой деятельности в области СМИ – органов публичной передачи информации, которые включают в себя периодические печатные материалы (журналы, бюллетени, газеты и другие издания, которые имеют постоянное название), телепрограммы, радиопрограммы, интернет-издания и другие способы распространения массовой информации. Если под понятием «массмедиа» подразумевается социальный институт, то медиадискурс оказывается способом трансляции каких-то прецедентных текстов – социально значимых для данной языковой группы идей и образов. В ряде случаев общим термином «медиадискурс» могут быть описана система медийных приемов продвижения предметов и идей или пропаганды. Средства массовой информации имеют следующие признаки: периодичность: регулярность – не менее одного выпуска в год; массовость:

1000+ экземпляров для печатной продукции; принудительность: принцип «один источник вещания – много слушателей». Как пишет Т.Г. Добросклонская, «медиадискурс – это процессы и продукты речевой деятельности, производимые в сфере массовой коммуникации во всём богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская, 2008: 153]. Другой исследователь, профессор Л.Н. Тимофеева выделяет политический медиадискурс: это особый вид коммуникации, составляющий собой информационное воздействие политических авторов друг на друга и на социальную среду [Тимофеева, 2009]. Филолог Е.И. Шейгал обращает внимание на языковые особенности политического дискурса и формулирует его определение как «особую сферу речевой деятельности, результатом которой являются специфические тексты, вербальные и невербальные знаки, типичные модели речевого поведения, находящие воплощение в конкретных жанрах политического дискурса» [Шейгал, 2000].

Медиадискурс реализуется в медиапространстве, которое представляет собой совокупность адресатов, адресантов и текстов. В качестве адресата выступает некий ряд индивидов, обладающих разным коммуникативным и языковым опытом и участвующих в массовой коммуникации. Адресантами является совокупность субъектов сферы СМИ, будь то какие-то сообщества или отдельные индивиды.

Лингвист Ю.С. Степанов отмечает идеологическую природу любого дискурса: «Дискурс – это первоначально особое использование языка <...>, для выражения особой ментальности, в данном случае особой идеологии; особое использование влечет активизацию некоторых черт языка и, в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики и в конечном счете создает особый «ментальный мир» [Степанов, 1995: 36]. Однако нигде идеологическая природа не проявляется так ярко, как в медиадискурсе. Он обладает характеристикой персуазивности, поскольку способен воздействовать на индивида при помощи комбинации вербальных, невербальных и визуальных средств, а также путем тиражирования

идеологии тотальных и господствующих дискурсов, их схем, шаблонных мыслей, образов, оценок и т.д. Выбор языковой единицы не является нейтральным процессом по отношению к получателю информации, так как семантика слова несет информацию о предмете текста и участниках коммуникации. Таким образом выражаются экспрессивный, оценочный, коннотативный аспекты.

Уже упомянутый политический дискурс обладает важной особенностью – как говорит В.И. Карасик, цитируя Е.А. Шейгал, «<...> политический дискурс реализуется в современной жизни преимущественно через средства массовой информации» [Шейгал; цит. по Карасик, 2002: 15]. Таким образом, политический диалог оказывается невозможным при отсутствии средств массовой информации. Медиадискурс во многом глубоко политизирован, ведь СМИ являются основным каналом воплощения политического дискурса. Некоторые исследователи утверждают, что политический дискурс является всего лишь частью медиадискурса, например, лингвист И.В. Анненкова утверждает: «В современную эпоху этот тип дискурса (медиадискурс) становится прототипным институциональным дискурсом, вбирая в себя политический, религиозный, рекламный и другие типы дискурса, то есть становится диалогом власти с индивидуумами» [Анненкова, 2011: 200]. Нельзя утверждать, что любое направление медиадискурса заведомо обладает некой политической повесткой, однако часто, по причине личных убеждений участников медиа-коммуникации или из-за участия социальных факторов, в итоговый продукт несет в себе определенную идеологию. Обладая силой виртуализации политической реальности, медиадискурс превращает политику в символический идеологический конструкт, искусственно-созданную концептосферу. Эта виртуальная политическая реальность становится основным источником информации для огромного количества людей, чьи представления о политических событиях теперь конструирует политический журналист. Именно журналист организует медийную репрезентацию, распределяет

факты по мере их значимости и предоставляет аудитории интерпретацию политической реальности, которые и формируют политический опыт общества. Язык СМИ, ряд языковых единиц, обладающих определенным прагматическим аспектом, и осознанный выбор автором материала последовательности использования этих единиц могут и оказывают влияние на аудиторию.

Для дискурса СМИ характерна актуальность, которая не всегда соответствует реальной ценности и значимости события. В этом смысле медиадискурс, по утверждению Н.Д. Арутюновой, «является семиотическим пространством, которое, в силу знаковой природы языка, членится в соответствии с общей семиотической теорией на семантику, синтактику и прагматику, отражая взаимодействие смысловых, композиционных и мотивационных факторов» [Арутюнова, 1990: 235]. Стоит также отметить, что в ряде исследований по теории коммуникации, СМИ понимаются как социальный институт: «Специфическая черта СМИ как социального института заключается в создании полной картины жизни общества через освещение деятельности каждого социального института, то есть в создании информационного аналога общества» [Черных, 2008: 45].

Выделяется несколько типов медиадискурса: рекламный дискурс, публицистический дискурс, PR-дискурс, а также ряд разновидностей дискурса, отличающихся каналом реализации: теледискурс, радиодискурс, интернет-дискурс и т.п. Рассмотрим типы медиадискурса подробнее.

Публицистический дискурс является «воздействующим типом дискурса», это текст любой тематики, обязательно имеющий «политико-идеологический модус формулирования текста» [Клушина, 2008: 257]. Стремясь вызвать у аудитории реакцию, автор использует приемы и способы убеждения и манипулирования.

Рекламный дискурс представляет собой вид коммуникативной деятельности, он имеет экономическую основу, в его основе лежит оповещение потребителей и создание спроса на те или иные товары или

услуги. Рекламный дискурс антропоцентричен, поскольку вне человеческого общества существование рекламы невозможно. В рамках рекламного дискурса очевидны масштабы воздействия медиадискурса на индивида – например, одна из древнейших рекламных стратегий, AIDA (Attention – Interest – Desire – Action), строится на психологическом воздействии на потребителя, ведь требует не только привлечь внимание потенциального покупателя к продукту и вызвать его заинтересованность, но и побудить немедленно приобрести товар. Таким образом, рекламная коммуникация не ограничена обеспечением информированности потребителей, она зачастую становится средством регулирования человеческой деятельности. Для этого используются различные приемы, как, например, формирование чувства общности, что является актуальным для многих медиадискурсивных текстов и всех рекламных сообщений. П. Браун и С. Левинсон утверждают, что создание у индивида чувства причастности к определенному кругу является необходимым условием для успешного кооперативного общения [Браун, Левинсон, 2014]. На лингвистическом уровне оно реализуется через использование личных местоимений, грамматических структур, лексических единиц разговорного характера и других элементов, призванных сблизить адресата и адресанта. Другой важный метод – это позиционирование коллективного мнения, что является необходимым для придания значимости предмета высказывания. Так, точка зрения, которую разделяет некая группа людей, воспринимается как более надежная и проверенная [Сорлин, 2016: 34].

Ряд практик, которые характеризуют рекламный медиадискурс, можно также обнаружить и в коммуникативной практике государства. Например, Е.В. Горбачева обнаруживает присутствие в политическом дискурсе таких практик как агитация и пропаганда, они становятся частью жанра политической рекламы и информационного лоббизма. По ее мнению, в дискурсивной коммуникации посредством СМИ используются основные формы и методы реализации информационной политики [Горбачева, 2007].

Медиадискурс, по мнению Горбачевой, становится «разновидностью политического институционального дискурса, который обладает специфическими чертами, связанными с его массово-информационной природой» [Там же: 74].

PR-дискурс определяется учеными как «знаково-символическая деятельность, осуществляемая в публичном коммуникативном пространстве, в ходе которой реализуются функции формирования символического, социального и утилитарного капиталов» [Шейгал, 2000: 9]. По определению ученого Г.Г. Почепцова, цель рекламной коммуникации – это «включение нам в ее структуру значений, побуждение нас к участию в декодировке ее лингвистических и визуальных знаков <...>, тогда как цель PR-коммуникации – это выход на широкую публику, а не на узко-очерченный круг потребителей» [Почепцов, 2001: 459].

В рамках настоящего исследования анализируется репрезентация политического события в средствах массовой информации. Для конструирования комплексной картины, необходимо назвать ряд элементов события, которые и будут получать свою дискурсивную репрезентацию при помощи языковых средств. Обращаясь к Н.Д. Арутюновой, любое, не только политическое, событие всегда имеет структуру, в частности оно предполагает взаимодействие участников, имеет определенную пространственную и временную локализацию [Арутюнова, 1988]. В настоящем исследовании основные элементы, выбранные для анализа политического события присоединения Крыма, включают следующие пункты:

1. Номинация события.
2. Оценка события.
3. Участники события;
4. Временной аспект и последствия события.

Таким образом, медиадискурс представляет собой связный, устный или письменный, вербальный или невербальный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и рядом других

факторов, который выражен средствами массовой информации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов. Медиадискурс носит опосредованный характер, поскольку между адресатом и адресантом почти всегда присутствует дистанция, будь то пространственная или временная. Медиадискурс может представать как в формате коммуникативного события, в котором он являет собой комбинацию языковой формы, знаний и коммуникативно-прагматической ситуации, так и как некое «лингвокультурное образование» [Алефиренко, 2009: 8]. Так, некоторые ученые утверждают, что медиадискурс следует рассматривать исключительно как социальную деятельность, в рамках которой ведущую роль играют когнитивные образования, фокусирующие в себе различные аспекты внутреннего мира языковой личности [Дейк, 1998: 76]. Другие же считают, что медиадискурс подобен дискурсу и является «речью, погруженной в жизнь», или «текстом, взятым в событийном аспекте» [Арутюнова 2002: 136–137; 414–416]. Становясь своеобразным фильтром, медиадискурс интерпретирует поступающую в языковое сознание индивида информацию, становится смыслогенерирующим и миропорождающим инструментом, а также репрезентирует коллективное мнение, особенности его выражения и отношение к определенному событию. Элементами медиадискурса выступают коммуникативные события, участники этих событий, перформативная информация, а также обстоятельства, сопровождающие события; социокультурный фон, эмоционально-оценочное отношение участников к элементам коммуникации и т. д. Публицист М.В. Гречихин заключает, что «медиадискурс является социально-регулятивным механизмом, организующим массовое сознание посредством формирования и тиражирования социально значимых когнитивных, аксиологических и регулятивных смыслов» [Гречихин, 2008: 29].

1.3. Исторический контекст присоединения Крымского полуострова к Российской Федерации

Крымский полуостров в ходе истории неоднократно становился объектом притязаний различных стран. Причина очевидна: контроль над полуостровом означает контроль над всем Черноморским регионом. Вода в знаменитых крымских бухтах не замерзает круглый год, позволяя судам подходить к полуострову даже зимой, что является важным стратегическим преимуществом. Множество народов в разное время стремились воспользоваться этим преимуществом, в том числе турки, французы, англичане и немцы.

Греки, скифские племена, римляне, половцы, османская империя и крымские татары – полуостров Крым в разные периоды своей истории становился домом для множества культур и народов. На полуострове долго господствовало Крымское ханство – вассал Османской империи. В XVII в. российский князь Василий Голицын предпринимает два похода на Крым, которые оказываются неудачными. Вхождению полуострова в состав Российской Империи предшествует заключение Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 года, что завершает успешную военную кампанию 1768–1774 годов. После вступления Екатерины на престол, канцлер М.И. Воронцов подает императрице записку, подчеркивающую необходимость присоединения полуострова Крыма, удобного к содержанию флота на Черном море. Согласно докладу от 6 июня 1762 г. М.И. Воронцов предлагал два решения крымского вопроса: либо создать условия для присоединения Крыма к России, либо добиться предоставления независимости полуострову. Оба варианта обеспечили бы полное владение Российской империи над крымским округом, в том числе над Причерноморьем, что гарантировало бы безопасность южных границ.

Во время войны с Оттоманской Портой присоединение Крыма становится неизбежным. В 1772 г. крымский хан Сахиб Гирей подписывает

мирный договор с Российской империей, а Крым объявляется независимым от ханства под покровительством России, к которой перешли черноморские порты Керчь, Кинбурн и Еникапе. Кроме того, хан также подписывает «Декларацию об отделении Крыма от Турции» и «Союзный договор между Россией и Крымом». Последний определял статус Крымского ханства и обязательства России по его защите. Российская империя брала на себя обязательство по защите вольности и независимости «Независимой татарской области» от враждебных государств. Подписание Карасубазарского договора вызывает недовольство турецкого султана Мустафы III. Турецкая сторона отказывается признавать результаты договора.

Во внешней политике России наступает новый этап, характеризующийся наличием черноморской проблемы. Победа в Русско-турецкой войне закладывает основу для последующего присоединения Крыма, в том числе и северной части региона с крепостью Еник-Кале, которая обеспечивает выход в Черное море, а также города Керчь на берегу одноименного пролива. Спустя еще десятилетие российским становится весь Крымский полуостров, что приводит к исчезновению Крымского ханства и ослаблению Османской империи.

Начинается строительство Севастополя, который в будущем станет основной базой российского черноморского флота, а население крымских городов стремительно увеличивается. Всем жителям полуострова предоставлены свобода передвижения, свобода вероисповедания и освобождение от воинской повинности. Севастопольская бухта используется для базирования военного флота, это стратегические ворота Крыма.

После присоединения полуострова качество жизни населения Крыма становится едва ли не лучше, чем у жителей других губерний, входящих в состав Российской Империи. Характер внутренней политики обусловлен военным и экономическим значением региона для страны, в том числе, например, необходимостью ослабления турецкого влияния в регионе.

В советское время Крымская АССР входила в состав РСФСР, однако после депортации крымских татар, в 1945 году, она была преобразована в Крымскую область. В 1954 году по решению советского руководства во главе с Никитой Хрущевым Крым становится частью УССР. Мотивируется такое решение экономической и территориальной близостью между Крымской областью и Украинской ССР. В докладе Верховного Совета РСФСР пишут: «Учитывая территориальное тяготение Крымской области к Украинской ССР, общность экономики и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и Украинской ССР, считать целесообразным передать Крымскую область из состава РСФСР в состав УССР» [Постановление от 5.02.1954 о передаче крымской области из состава РСФСР в состав УССР, 1954]. Ни один из советских руководителей не делал никаких официальных заявлений по поводу передачи Крыма, хотя вопрос, по воспоминаниям первого президента независимой Украины Л.М. Кравчука, неоднократно поднимался на собраниях и в разговорах: «Когда мы рассматривали соглашение об образовании СНГ, встал вопрос о ядерном оружии и о Крыме. Ельцин начал рассуждать... Ну вот Крым, 1954 год. Хрущев подарил Украине. Может, говорит, надо восстановить как бы справедливость и порядок. Я ответил, что никакого подарка не было. Наоборот, Украина взяла на себя огромную обузу. Хрущев тогда сказал, что нужно передать Крым, чтобы Украина помогла восстановить хозяйство Крыма, сделав из него базу отдыха» [Кравчук, 2014]. Кравчук также добавлял: «Ельцину я сказал: давайте мы вопрос о передаче Крыма сейчас рассматривать не будем. Мы просто договорились, что вот создадим СНГ, начнем жить, и тогда будем рассматривать границы, все по закону, в соответствии с международными нормами. Ельцин согласился...» [Там же, 2014]. По словам Л.М. Кравчука, Ельцин не только не проявил настойчивости в отношении вопроса о принадлежности Крыма, но и подтвердил устоявшуюся мифологему, что Крым – это «подарок» Н.Хрущева

Украине, в то время как Украина воспринимала этот подарок как тяжкую ношу.

Передача Крымского региона УССР была совершена по совместному представлению Президиума Верховного Совета УССР и Президиума Верховного Совета РСФСР. Президиум Верховного Совета СССР утвердил это решение 19 февраля 1954 года. Этому предшествовали Постановления Президиумов ВС РСФСР и УССР, касающиеся передачи Крыма УССР.

Весной 2014 года правительство Российской Федерации официально поставило под сомнение легитимность процесса передачи Крыма 1954 года. Президент Российской Федерации В.В. Путин таким образом прокомментировал данный вопрос: «В 1954 году последовало решение о передаче в ее состав Крымской области <...> Инициатором был лично глава Коммунистической партии Советского Союза Хрущев. Что им двигало – стремление заручиться поддержкой украинской номенклатуры или загладить свою вину за организацию массовых репрессий на Украине в 30-е годы – пусть с этим разбираются историки. Для нас важно другое: это решение было принято с очевидными нарушениями действовавших даже тогда конституционных норм» [Обращение президента Российской Федерации, 2014]. По мнению российской стороны, решение о передаче Крыма было неконституциональным, поскольку Президиум ВС РСФСР не был наделен полномочиями принимать такие решения. Утверждается, что акты 1954 года о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР были приняты органами государственной власти РСФСР, не правомочными решать такого рода вопросы, т.е. с нарушением действовавшего законодательства. Соответственно данные акты не имеют юридической силы с момента их принятия. Чтобы понять, была ли передача полуострова законной, необходимо более детально рассмотреть хронологию событий.

Действующая на тот момент Конституция РСФСР 1937 года в актуальной редакции действительно не называет среди полномочий Президиума РСФСР право решать вопросы, касающиеся территориальной

целостности государства. Статья 33 Конституции РСФСР содержит перечень полномочий Президиума ВС РСФСР – 11 пунктов, которые не включали в себя право решать вопрос о территориальной целостности и изменении границ РСФСР. Статьи 22 и 24 Конституции РСФСР называют Верховный Совет республики высшим органом государственной власти и единственным законодательным органом РСФСР. Однако снова в перечне вопросов, подлежащих ведению РСФСР, отсутствуют вопросы о территориальной целостности и изменении границ. Также необходимо вспомнить 16 статью конституции РСФСР, которая указывала, что «территория РСФСР не может быть изменяема без согласия РСФСР» [Конституция (Основной закон) РСФСР в ред. от 21. 01. 1937 г., 1937]. Правовая норма этой статьи оказывается вне сферы прав как Президиума РСФСР, так и Верховного Совета, что приводит нас к тому, что ни один из органов государственного управления РСФСР не был наделен полномочиями на то, чтобы изменять границы государства или хотя бы давать на это согласие. Единственным способом получения согласия РСФСР на изменение территории был бы проведенный референдум о статусе территории, чего, однако, не случилось.

2 июня 1954 года был принят Закон РСФСР «Об изменении статьи 14 Конституции РСФСР», который исключал Крымскую область из состава РСФСР. 5 февраля 1954 года датируется постановление Совета Министров РСФСР, а 2 июня 1954 года вопрос о Крыме был рассмотрен на сессии Верховного Совета РФ. Верховный совет рассматривал факт согласия или несогласия руководства РСФСР на изменение статуса Крыма, а не приведении Конституции РСФСР в соответствие с Конституцией Союза ССР, по которой Крым стал частью Украины в апреле 1954 года.

Во время распада СССР, в 1990 году РСФСР и УССР подписывают договор, который обеспечивает сохранность границ республик на момент своего подписания, а уже в феврале 1991 года Крымская область по итогам референдума становится автономной республикой и частью независимой Украины. В 1992 Верховный Совет Российской Федерации объявляет

постановление о передаче полуострова СССР «не имевшим юридической силы с момента принятия» по причине нарушения конституции РСФСР и законодательной процедуры принятия постановления. Статус Крыма считается предметом договоренности Киева и Москвы при учете решения самих жителей Крыма. В 1997 году подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между РФ и Украиной, в котором стороны подтверждают нерушимость границ между странами. Спустя 20 лет, в декабре 2018, президент Украины П.А. Порошенко прекращает действие этого договора.

В феврале и марте 2014 года Крым был присоединен к Российской Федерации. Этому событию предшествовали месяцы антипрезидентских и антиправительственных протестов в Украине. Недовольство граждан усилилось после смены власти в Украине в феврале 2014 года: ряд решений новой власти, например, голосование Верховной Рады за отмену закона об основах государственной языковой политики и подготовка законов о люстрациях, способствовали мобилизации значительного числа этнических русских против новой украинской власти, что было усилено информационным освещением событий и радикальными призывами некоторых политических деятелей.

23–24 февраля 2014 года в Севастополе к исполнительной власти пришли новые пророссийски настроенные люди. Через два дня члены Меджлиса вместе с боевиками из Киева попытались заблокировать крымский парламент в Симферополе. Депутаты Верховного Совета отправили в отставку прежний состав Кабинета министров. Новым премьер-министром республики был назначен С.В. Аксенов, лидер партии «Русское единство». Было объявлено, что те, кто захватил власть в Киеве силой, не будут признаны. Прозвучало обращение к руководству России с призывом обеспечить мир и спокойствие на территории полуострова. 23 февраля начинается передвижение российских военных сил на полуостров. После того, как 1 марта Совет Федерации России дал разрешение президенту РФ на

использование российских войск на территории Крыма, бойцы Сил Специальных операций совместно с представителями крымской самообороны блокировали все части ВСУ на территории полуострова.

16 марта проходит, по мнению Украины и западных, неконституционный референдум о присоединении Крыма к России, на котором более 95% проголосовавших сказали «да» вхождению в РФ. 17 марта была провозглашена независимая республика Крым. 18 марта Крым подписал договор о вхождении в состав Российской Федерации. Украина и в настоящий момент признает полуостров временно-оккупированной частью страны, обвиняя Россию в нарушении Будапештского меморандума и Договора о дружбе. В последствии остров получил энергетическую, транспортную, продовольственную независимость от Украины, проблемой остается снабжение водой агропрома республики – из-за перекрытия Украиной Северо-Крымского водоканала.

Крымский вопрос продолжает привлекать внимание общественности. Несмотря на множество документов и мемуаров участников событий, истинная причина передачи Крыма в 1954 году остается неясной. Легитимность этого процесса также вызывает вопросы, ведь Верховный Совет РСФСР в действительности превысил свои полномочия в отсутствие иных, более законных, способов произвести передачу полуострова. Такое решение продолжает оказывать влияние на мир даже спустя семьдесят лет, ведь с момента присоединения полуострова к России в 2014 году начался открытый конфликт между Россией и Украиной.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Существование большого количества подходов к определению понятия «дискурс» демонстрирует специфику современных исследований дискурса. Дискурс междисциплинарен, это вербализованная речемыслительная деятельность, взятая во всей совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов и закреплённая в форме устных и письменных текстов. Актуальность понятия обуславливает многозначность явления и разнообразие научных интересов в его исследовании в рамках лингвистических наук и ряда смежных дисциплин, таких как прагмалингвистика, лингвостилистика, социолингвистика и т.д. Дискурс может рассматриваться как фрагмент текста, как текст в ситуации общения и как отдельный жанр, будь то политический или рекламный дискурс. Идеологический аспект дискурса проявляет себя по-разному в различных жанрах, влияя на получателя информации и составляя часть его лингвистической картины мира.

В центре внимания данной работы находится медиадискурс, представляющий собой текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, который выражен средствами массовой информации и отражает механизм сознания коммуникантов. Медиадискурс идеологичен, СМИ становятся фильтром, формирующим массовое сознание аудитории через тиражирование социально значимых концептов и формирования смыслов. Между медиадискурсом и политическим дискурсом существует тесная связь.

Крымский вопрос был и остается одним из наиболее противоречивых в политической истории. Легитимность процесса передачи Н. С. Хрущевым полуострова Крым Украине в 1954 году является сомнительной. В настоящий момент ООН называют действия России аннексией территории Украины и подрывом ее территориальной целостности. Россия, в свою очередь,

ссылается на закрепленное в документах ООН право любого народа на самоопределение.

ГЛАВА 2. ДИСКУРСИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА К РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Присоединение Крыма как актуальное политическое событие регулярно освещается в британских и американских новостных ресурсах. В рамках исследования проанализированы 100 текстовых фрагментов, отобранных методом сплошной выборки из новостных сообщений современных американских и британских периодических изданий и интернет-порталов, датируемых 2014–2022 гг.: *CNN.com*, *The Guardian*, *Skynews.com* и т.д. Исследуемое политическое событие понимается с лингвофилософских позиций как изменение положения дел в мире, обладающее общественной значимостью. В настоящем исследовании основные элементы, выбранные для анализа политического события присоединения Крыма, включают следующие элементы:

1. Номинация события.
2. Оценка события.
3. Участники события.
4. Временной аспект и последствия события.

Каждый элемент получает свою дискурсивную репрезентацию в медиадискурсе при помощи различных языковых средств.

2.1. Номинация политического события

Номинативный уровень включает в себя ряд отглагольных субстантивных языковых единиц и их коллокаций, которые каким-либо образом номинируют политическое событие. Анализ эмпирического материала показал, что наиболее частотным смыслом является противозаконность действий российской стороны в целом и присоединения в

частности, что представлено политическими терминами с негативными коннотациями и номинативными единицами с оценочной семантикой. Например, частотной номинативной лексемой является субстантив «annexation», который встретился в более чем половине рассмотренных сообщений (61 употребление из 100). Обратившись к дефинициям лексемы, нам удалось выявить ряд ядерных компонентов значения единицы. Так, семантика субстантива включает в себя следующую характеристику: «an act of taking something (territory of a country)», кроме того, синоним глагола «to annex» является лексема «to seize» («захватывать») (Здесь и далее перевод авторский), и уточняется, что «аннексия» обычно происходит «by force». В результате мы приходим к выводу, что использование лексемы подразумевает наличие захватываемого объекта, вероятнее всего, некой территории, а также зачастую агрессивного характера явления. Таким образом, этот специальный политический термин несет в себе целый ряд различных сем, в том числе о насильственном характере, и отсутствии правовой базы явления. С учетом узуальной семантики термина, используя лексему, носитель языка зачастую подразумевает именно захват территории другого государства. Следовательно, являясь в первую очередь нейтральным политическим термином, «аннексия» также обладает негативными коннотациями – семантикой незаконности действий, в данном случае, российской стороны. Используя этот термин, автор поддерживает идею о присоединении Крыма при помощи силы, отрицая результаты мирного референдума, проведенного в Крыму в марте 2014 года. Часто само наличие в тексте лексемы опровергает идею о мирном характере присоединения полуострова и поддерживает негативный образ России. Частотность употребления лексемы говорит о широкой распространенности в западном обществе образа России-захватчика, что иллюстрирует следующий пример:

The Russian authorities cited the Kosovo precedent – in which NATO had intervened against the Serbs to create a protectorate over Kosovo – to help justify the Crimean annexation (Asia Times. 18.03.2014).

В этом примере автор использует субстантив «annexation» рядом с его частотным коллокатом «Crimean», так автор стремится донести до аудитории идею о насильственном характере присоединения, что подчеркивается использованием прямого номинатива. В этом новостном сообщении, написанном незадолго после присоединения, процесс открыто называется аннексией, что противоречит официальной позиции российской стороны. Кроме того, используется глагол «to justify» – «оправдывать» (аннексию), что подчеркивает виновность России и необходимость правительства оправдываться за свою агрессивную риторику. Таким образом, при помощи сравнения американская политика конца двухтысячных годов отождествляется с российским подходом к крымскому кризису.

Рассмотрим следующий пример:

Russian aggression and the annexation of Crimea (D. Lynam. The World Mind. 27.04.2014).

В этом примере существительное «annexation» используется в союзной конструкции с другой близкой лексемой – с оценочным субстантивом «aggression» как синонимичное понятие. При помощи союза *and* подчеркивается тождественность явлений, схожесть их семантики. Вместе с тем, одна лексема является преимущественно нейтральным номинативом, другая же обладает выразительной оценочной семантикой, однако здесь два субстантива уподобляются, что позволяет увидеть в нейтральном политическом термине явный акт агрессии и очевидные негативные коннотации.

Обратимся к следующему примеру:

Why did Russia annex Crimea? What happened when Putin invaded in 2014 and how NATO reacted to annexation? (J. Clinton. Inews. 29.01.2022).

В примере используется однокоренной глагол – «to annex» и более эмотивно-окрашенная лексема «to invade» – «вторгаться», в очередной раз характеризующие действия России как насильственные. Кроме того, примечателен синтаксис, а точнее использование вопросительных

предложений, что говорит о непонимании англоязычной аудитории мотивов, стоящих за аннексией Крыма.

Менее частотные номинативы, используемые для номинации деятельности России на полуострове, включают отглагольные существительные «invasion» – «вторжение» и «takeover» – «захват, переворот», тем самым, еще более подчеркивается активный, насильственный характер политического события. Ядерные компоненты дефиниций обеих лексем включают в себя наличие вооруженной армии («army»), которая «вторгается» на территорию другой страны, часто используя силу («by force»). Популярными коллокатами лексем являются «Russian» (10 употреблений здесь и далее), «Crimea» (8), «Russia's» (5). Рассмотрим пример:

The second reason is that majority of the Crimean population seems to prefer being part of the Russian Federation than the Ukrainian government, the Russian invasion and annexation met little to zero resistance from the Crimean population (H. Alfarsi. Profolus. 14.02.2022).

В примере используются два частотных субстантива: «invasion» и «annexation». Автор, используя союзное слово, приравнивает эти два понятия, заявляя о их родственной природе, обвиняет Россию во вторжении на территорию другого государства.

Обратимся к следующему примеру:

Russian takeover of Crimea will not descend into war, says Vladimir Putin (S. Walker. The Guardian. 04.03.2022).

Здесь используется цитата Владимира Владимировича Путина, посвященная «захвату» Крыма Россией. Примечательно, что в оригинальной речи российский президент не использует слово «вторжение», тем самым, журналист создает у своей аудитории впечатление, будто В.В. Путин признает присоединение захватом, однако подчеркивает, что этот захват не превратится в полномасштабную войну. Таким образом, цитирование и перевод становятся элементами воздействия на аудиторию.

Из примечательных, однако не слишком частотных номинативов (3 употребления), используется субстантив «grab», часто с предшествующим коллокатом «land»:

Russia's latest land grab: how Putin won Crimea and lost Ukraine (Foreign Affairs. 17.04.2014).

В этом примере, кроме существительного «grab», используется прилагательное «latest» – «самый недавний», подчеркивающее наличие других, предшествующих аннексии Крыма, эпизодов захвата Россией территории других стран, что поддерживает негативный образ России. Страна вновь выступает в роли агрессора и захватчика, не в первый раз нарушающего международные правила ведения политики.

Рассмотрим другое использование лексемы:

Outside Russia, while many were shocked at the naked land grab, others felt Putin had a point: after Iraq and Libya, how could the west lecture others on violating sovereignty? (The Guardian. 30.09.2022).

В этом примере «land grab» соседствует с прилагательным «naked» – «неприкрытый, открытый». Снова отрицаются результаты референдума, присоединение называется «неприкрытым» вторжением. Кроме того, используется лексема «to violate» – «to break a rule» в сочетании с существительным «sovereignty» – «an authority of state to govern itself». Несмотря на то, что критикуется в первую очередь действия запада, который, по мнению журналиста, оказывается лицемерным, «отчитывая» Россию за вторжение на фоне множества случаев вторжения стран запада на территории других стран, все же подразумевается, что Россия именно вторглась на территорию Украины, захватив Крым.

Что касается номинативных глаголов, использующихся в сообщениях, посвященных присоединению Крыма, то наиболее частотными являются лексемы «to invade» (27 употреблений здесь и далее), «to annex» (26), «to seize» (20), «to grab» (15). Наиболее частотным смыслом выступает

нелегитимность действий российской стороны, агрессивность ее международной политики. Рассмотрим следующий пример:

In 2014 Russia seized Crimea arguing it had a historic claim to it (Inews. 23.01.2015).

Другая лексема, подчеркивающая агрессию российской стороны – это глагол «to seize» – «захватывать» и «изымать». Таким образом, используя эту лексему, автор материала отрицает результаты референдума, называет присоединение Крыма захватом, подразумевая использование силы.

Обратимся к другому примеру:

But why did Russia invade and annex Crimea? What are its motivations? (Н. Alfarsi. Profolus. 14.02.2022).

Используется глаголы «to invade» – «вторгаться» и «to annex», однородные члены предложения разделяются союзом «and», подчеркивается факт схожести понятий, а использование вопросительных предложений выделяет необоснованность агрессии со стороны российской стороны.

В следующем примере мы видим:

An annexation attempt would come roughly eight years after Russia seized the Crimean peninsula, which Russian President Vladimir Putin said was meant to «return» the territory to Russia (К. Liptak. CNN. 19.07.2022).

В данном новостном сообщении примечательны знаки препинания – кавычки, призванные выделить прямую речь, цитату и, одновременно, подчеркнуть ироническое отношение автора статьи к термину «to return» – «возвращать». Вновь прослеживается двойственность восприятия политического события: для большей части англоязычного сообщества это именно аннексия, для российской стороны – нейтральное «присоединение».

Кроме субстантивов и глагольных единиц, для номинации присоединения крымского полуострова часто используются адъективы. Чаще всего в текстах, посвященных присоединению Крыма, встречаются синонимичные адъективы «illegal» (23 употребления здесь и далее) и «illegitimate» (17). Выбор лексем вновь доказывает неприятие западными

средствами массовой информации внешней политики России, мы наглядно видим их стремление дискредитировать Россию и оспорить правовую базу, стоящую за политическим событием, как в следующем примере:

Finally, the annexation is illegitimate simply because the election itself cannot be trusted (G. Olberding. Penn Political Review. 17.03.2014).

Используется адъектив «illegitimate» в сочетании с субстантивом «annexation», иллюстрируется незаконность проведения подобных юридических процессов. В этом случае подчеркивается не только недоверие к российским источникам, заявляющим о проведении честного, народного голосования, но и констатируется факт нелегитимности самого референдума - в данном случае необходимы голоса всех украинцев, а не только лишь жителей самого Крыма.

В следующем примере мы видим:

Russia illegally annexed the Autonomous Republic of Crimea and the city of Sevastopol – a violation of the territorial integrity of Ukraine (EEAS. 18.03.2016).

В данном сообщении говорится, что Россия не только «аннексировала» автономную республику Крым, но и сделала это «незаконно», «нелегально», что послужило причиной нарушения территориальной целостности Украины. Использование политического термина «to violate territorial integrity» отсылает нас к тому, что Россия в англоязычном медиапространстве зачастую выступает в роли преступника и нарушителя правил, попирающего установленные общественностью законы, в частности, принцип территориальной целостности.

Обратимся к следующему примеру:

Since Russia's illegal seizure and annexation of Crimea from Ukraine on March 18, 2014, six countries have come out in support of Moscow (J. Bender. Business Insider. 31.05.2016).

В данном примере автор использует адъектив «illegal» и субстантив «seizure» («захват»), при помощи союза «and» уравнивая аннексию и «нелегальный» захват территории другой страны. Тем самым действия

России номинируются как захват, который, за два года с момента присоединения вызывает поддержку лишь 6 стран, что иллюстрирует рекордно низкое количество сторонников этого решения в мире.

Таким образом, номинативный аспект присоединения Крыма, получающий свою репрезентацию в американских и британских СМИ, реализуется при помощи ряда лексико-семантических средств, номинирующих событие как противоправное и противоречащее международному праву ведения внешней политики. Используя изначально нейтральные политические термины, номинативы с семантикой агрессии и метафорические номинативы с оценочной семантикой, вопрос нелегитимности присоединения Крыма ставится открыто, а правительство Российской Федерации обвиняется во лжи и враждебности по отношению к международным партнерам. Наиболее частотным смыслом является негативная оценка действий российской стороны, что представлено следующими частотными лексемами: отглагольными субстантивами «annexation», «invasion», «takeover»; глаголами «to invade», «to annex», «to seize», «to grab»; и адъективами «illegal» и «illegitimate». Все вышеупомянутые лексемы обладают яркими негативными коннотациями и либо используются для номинации политических процессов, окружающих присоединение, либо служат средством номинации действий России в настоящем конфликте. Уже само наличие лексем в тексте опровергает утверждение российской стороны о легитимности как присоединения, так и референдума о статусе Крыма, что поддерживая негативный образ России-захватчика. В своей совокупности упомянутые транслируемые смыслы помогают сконструировать событие как незаконное, а действия российской стороны представить как враждебные по отношению к территориальной целостности Украины и международным стандартам ведения политики.

2.2. Оценка события

Оценочность является одним из важнейших элементов дискурсивной репрезентации присоединения Крыма в СМИ. Так, любое политическое событие, попадая в новости, подвергается оценке автора этого сообщения, и присоединение Крыма не становится исключением. На оценочный аспект может влиять личная позиция журналиста или необходимость придерживаться определенной повестки, однако в результате мы неизменно видим оценку в готовом материале.

Проведенный анализ показал, что категория оценки присутствует практически во всех материалах, посвященных присоединению Крыма. Так, наиболее частотным смыслом является незаконность действий России с точки зрения международного права, что достигается при помощи использования разнообразных адъективов с оценочной семантикой, объединенных в одну лексико-семантическую группу общей темой противозаконности и противоправности.

Обратимся к примеру:

Their (Sevastopol residents) enthusiasm comes despite a messy, sometimes chaotic, process of transition and the continued presence on the streets of local «self-defense» units, or militias, known as the «men in green» (L. Smith-Spark. CNN. 09.03.2014).

В данном примере аннексия или «переход» («transition») оценивается как «messy» и «chaotic», то есть, хаотичный, необдуманый, беспорядочный, и, следовательно, ненадежный и недостоверный. Такая интерпретация действий российской стороны имплицитно подразумевает незаконность присоединения и проводимых Россией юридических процессов. При помощи лексических единиц, объединенных схожими ядерными компонентами значения («unpleasant, disorganized»), негативными коннотациями, процесс присоединения оценивается журналистом как непоследовательный и нелегитимный.

Обратимся к следующему примеру:

Neither has it stopped the annexation nor restrained Russia from taking further aggressive steps (K. Kruk. Warsaw Institute. 07.05.2019).

В примере используется союз «neither... nor», с его помощью журналист не только оценивает действия России как агрессивные, но и отрицает эффективность санкций.

Обратимся к другому примеру:

Seizing Crimea in a quick and relatively bloodless operation proved very popular with the Russian public (S. Pifer. Brookings. 17.03.2020)

Здесь мы не только видим номинацию присоединения именно как захват, примечательно использование прилагательного «bloodless» в сочетании с наречием «relatively». Подчеркивается, что, хотя присоединение открыто называется захватом, оно все же был «относительно бескровным», без лишнего кровопролития, что понравилось жителями России.

Но не только адъективы используются для выражения оценки присоединения. Частотным субстантивом, оценивающим и номинирующим действия России является лексема «aggression», которая обладает экспрессивной оценочной коннотацией и характеризует отношение мировой общественности к действиям России. В различных контекстах субстантив часто используется как синоним к «annexation» и «invasion».

Рассмотрим следующий пример:

The current US policy in countering Russian aggression, namely the 2014 annexation of the Crimea and rebel activity in Eastern Ukraine is best described by Steven Pifer, a Senior Fellow at Brookings, in a testimony to the Senate Foreign Relations Committee (The World Mind. 27.02.2021).

В этом примере существительное «annexation» используется наравне с другой лексемой – с существительным «aggression». При помощи использования уточняющего наречия «namely» – «to be specific» автор подчеркивает тождественность явлений, схожесть семантики. Кроме того, журналистом подразумевается наличие других эпизодов, в которых Россия

вела себя агрессивно по отношению к своим партнерам. Номинативный субстантив «aggression», а также его однокоренная лексема «aggressive», является частотными и встречаются в 25 примерах из рассмотренных 100. В отличие от прямого номинатива «аннексия», в основе своей, нейтрального, «агрессия» не является средством прямой номинации, а номинирует отношение к событию в англоязычном дискурсе. Лексема обладает ярко выраженными оценочными коннотациями, не только номинируя событие, но и оценивая его как неправильное и враждебное по отношению к установленным в обществе правилам ведения внешней политики. Обращаясь к дефинициям лексемы, мы видим, что его обязательным элементом является «агрессивное, насильственное поведение» («violent behaviour»), которым, по мнению множества журналистов, характеризуется политика современного правительства России. Частотность употребления лексемы «aggression» по отношению к коллокам «geopolitical» и «Russian» дают основание судить о кардинально отличных точках зрения разных сторон на конфликт: для России присоединение – это возвращение территории, некогда бывшей частью Российской империи, для Украины и запада это проявление агрессивной риторики. Характерны частые употребления лексемы именно для описания отношений между Россией и Украиной, что иллюстрирует неправомерность внешней политики России по отношению к Украине, о чем также свидетельствует резко негативная оценка события авторов статей. Анализируя практический материал, мы, например, встречаем следующий пример:

Through a strategic combination of propaganda and geopolitical aggression, Putin's government promoted a narrative meant to bolster patriotism, and Russian xenophobia and paranoia along with it (S. Pinkhan. The Guardian. 17.03.2017).

В высказывании существительное «aggression» соседствует с другими экспрессивными лексическими единицами. Например, в качестве коллоката субстантива автор использует адъектив «geopolitical», обвиняя правительство

В.В. Путина в нарушении международных законов ведения политики. По мнению журналиста, присоединение полуострова является политическим событием международного масштаба, и поведение российской стороны – это не только захват территории Украины, но и пренебрежение мировыми стандартами ведения политики. По этой причине российская геополитическая агрессия бросает вызов всем крупным политическим игрокам и правилам поведения, принятым на глобальном уровне. Кроме того, примечателен глагол «to bolster» – «to support, to give a boost to» («patriotism, xenophobia and paranoia»). Военный термин «bolster the patriotism» подчеркивает, что присоединение Крыма является именно решением правительства РФ, призванным укрепить патриотизм жителей России, а не волеизъявлением жителей полуострова. Таким образом, в статье поддерживается версия о том, что присоединение – это спланированный шаг России, призванный или имеющий цель («meant») «укрепить патриотизм населения и поддержать падающие рейтинги действующей власти. Вместе с патриотизмом, однако, подобное решение питает также ксенофобию и паранойю, характерные, по мнению автора статьи, для современной России. Используя медицинский термин «paranoia» – а «mental disorder characterized by delusions and feelings of extreme distrust, suspicion, and being targeted by others», журналист подозревает Российское правительство во главе с В.В. Путиным в психическом нездоровье, помешательстве и недееспособности. Термин «xenophobia» («the fear or dislike of anything which is perceived as being foreign or strange») включает в себя следующие семы: агрессивное отношение к «чужакам», боязнь других народов, нетерпимость и враждебность. По мнению автора статьи, все это свойственно современной России и ее правительству.

Оценочные лексемы также часто используются для репрезентации референдума о статусе Крыма, важного элемента развития политического события. Так, референдум называется первым последствием присоединения и часто оценка референдума распространяется на все политическое событие.

Так, коллокатами, оценивающими как референдум, так и все присоединение, часто выступают адъективы «sham» и «messy», а также наречие «hastily-called», чтобы подчеркнуть условность и необдуманность процесса голосования, и отсутствие у России прав для присоединения части другого государства.

Обратимся к следующему примеру:

After the annexation, Russia conducted a sham referendum on the annexation, which was illegal under the Ukrainian Constitution (J. Clinton. INews. 29.01.2022).

В данном примере, кроме лексемы «annexation», также используются адъективы «sham» и «illegal», оба по отношению к другому частотному субстантиву – лексеме «referendum». И если прилагательное «illegal» еще можно считать нейтральным номинативом, то «sham» обладает яркой оценочностью и несет ряд негативных коннотаций, подтверждающих виновность России. Таким образом, в данном примере представлены оценка события и временной аспект присоединения: при помощи предлога очередности «after» автор эксплицитно представляет протяженность конфликта и номинирует важное для развития события мероприятия.

Далее следует другой пример:

Now the people have spoken, and they want to be a part of Russia, Putin said, referring to a hastily-called weekend referendum on separating from Ukraine (F. Karimi. CNN. 20.03.2014).

В этом примере мы видим использование словосочетания «hastily-called», референдум оценивается как поспешный, собранный «на скорую руку». При помощи данного коллоката вновь иллюстрируется нелегитимность процесса референдума, созванного, по мнению журналиста, слишком поспешно и необдуманно. В данном примере мы в очередной раз можем наблюдать, как журналист имплицитно незаконность голосования, ставя под сомнение его результаты.

Необходимо отметить, что в редких случаях коллокации субстантива «referendum», как например прилагательное «illegal», берется в кавычки для выражения субъективной модальности сообщаемой информации или цитирования, как в следующем примере:

EU eyes deeper Russia sanctions after 'Illegal' Ukraine referendum (N. Wilson. Ibtimes. 05.12.2014).

В этом примере используются кавычки для иллюстрация субъективности информации, содержащейся в сообщении. Так, журналист цитирует официальное заявление представителей Евросоюза, что и подчеркивается использованием кавычек, тем самым, автор сообщения придерживаться нейтральной позиции в данном конфликте. И хотя подобные примеры, безусловно, присутствуют, их количество все еще слишком мало для того, чтобы оказать существенное влияние на статистику. В большинстве случаев западные СМИ следуют привычным клише, не подвергая сомнению тезис о неправомерности политики России по отношению к Украине и крымскому полуострову, отсюда частотность упомянутых ранее критических языковых единиц.

В следующем примере мы видим:

The steps Russia is planning could include «sham» referendum, installing illegitimate proxy officials, establishing the Russian Ruble as the official currency and forcing Ukrainian citizens to apply for Russian citizenship (K. Liptak. CNN. 19.07.2022).

В примере выбор лексем вновь говорит о недоверии к официальным источникам российской стороны и открыто обвиняет Россию в организации фиктивного референдума, призванного убедить общественность в правомерности присоединения, хотя на самом деле результат «общественных» выборов был изначально предрешен. Использование подобных лексических единиц иллюстрирует незаконность притязаний России на территорию крымского полуострова и отсутствие взаимопонимания у стран-участников конфликта

Кроме лексико-семантических средств, для оценки присоединения используются стилистические тропы, как, например, сравнение. Происходит уподобление одного явления другому, как в следующем примере:

But for many in Russia, watching the festivities was like a scene from «Mad Max: Fury Road» – while the glory is ballyhooed, the reality is scant (N. Khruscheva. NBCNews. 19.03.2019).

В этом примере праздничные мероприятия, приуроченные к годовщине присоединения Крыма, сравниваются с событиями художественного фильма «Безумный Макс: Дорога Ярости». Автор использует стилистический пример сравнение, проводя параллель между современным российским правительством и руководством вымышленного государства Цитадель, заявляя, что подобно тому, как кинематографическая диктатура держится исключительно на насилии и политической пропаганде, так и современная российская политика уже давно находится в упадке, хотя население и пытаются убедить в обратном. Такое сравнение обращается к понятному англоязычному читателю образу из популярного кинофильма, что насыщает текст и создает яркий ассоциативный ряд.

В следующем примере используется цитирование:

How annexing Crimea allowed Putin to claim he had made Russia great again (S. Pinkham. The Guardian. 22.03.2017).

Здесь журналистом используется цитата бывшего президента США Дональда Трампа. Такая параллель помогает укрепить в сознании читателя взаимосвязь между лидерами двух стран. Здесь необходимо вспомнить, что у 45-го президента США на родине крайне неоднозначная репутация, поэтому такое сравнение призвано в очередной раз подчеркнуть отрицательные черты президента РФ.

Таким образом, можно утверждать, что присоединение крымского полуострова подвергается резко негативной оценке, что выражается при помощи различных лексико-семантических единиц, по большей части адъективов, таких как «messy», «sham», «chaotic», «hastily-called» и др.,

объединенных общей семантикой неправильности действий российской стороны и недоверия к официальной позиции России по «крымскому вопросу». Наиболее частотными лексическими единицами в новостных сообщениях, посвященных присоединению Крыма, являются лексемы, иллюстрирующие агрессию страны по отношению к Украине и пренебрежение российской стороны к общепризнанным правилам ведения политического диалога.

2.3. Участники события

В качестве третьего аспекта присоединения Крыма, получающего свою репрезентацию в англоязычном медиадискурсе, выступают участники события и их репрезентация. При помощи различных средств речи конструируется образ страны и отдельных личностей, которые участвуют в конфликте. Так, в проанализированных текстах повсеместно встречаются имена собственные, которые выступают единицами прямой номинации стран-участников конфликта:

1. Россия, выступающая инициатором конфликта;
2. Украина, выступающая пострадавшей стороной и Крымский полуостров;
3. Ряд западных стран, косвенно участвующих в конфликте, для номинации которых используются лексемы «West», «The USA», «Europe» и др.

В проанализированных контекстах наиболее частотными оказываются единицы номинации Российской Федерации (Russia), что обусловлено ролью страны как инициатора конфликта и основного участника политического события. Рассмотрим примеры:

1. *The Guardian's Shaun Walker has been given exclusive access to the inside of a Ukrainian marine base in Feodosia, Crimea, which has been surrounded by Russian troops* (H. Siddique. The Guardian. 03.03.2014).

2. *In 2014, Russia invaded and subsequently annexed the Crimean Peninsula from the state of Ukraine* (B. Naz Hassan. Metro. 03.03.2022).

3) *Russia mobilised its troops in February and March 2014 to seize control of Crimea* (Inews. 29.01.2022).

Проецирование последовательности событий внутри политического события получает репрезентацию при помощи существительных-номинативов месяцев («In February and March»), подчеркивается высокая скорость, с которой российские военные «аннексировали» Крым. Во всех примерах присутствуют лексемы с семантикой агрессии, журналисты делают акцент на военной силе России и враждебности ее внешней политики.

По сравнению с экспрессивной, агрессивной лексикой с семантикой силы, используемой для оценки действий российской стороны, образ Украины зачастую формируется в контекстах, указывающих на слабость и беспомощность украинской власти. Украинская сторона в данном конфликте считается жертвой агрессора, что и подчеркивается выбором лексем с семантикой бессилия. Так, при описании часто встречаются лексемы «surrounded», «threatened», «trapped», которые характеризуют растерянность украинской стороны, ее неспособность как-либо повлиять на сложившуюся ситуацию, что мы и видим в следующем примере:

Regional Ukrainian forces remain largely trapped and threatened by pro-Russian irregulars (A. Yuhas. The Guardian. 18.03.2014).

В примере используется глагол «to remain», указывающий на неизменность прежней ситуации, украинские военные силы оказались «в ловушке» и не способны оказать сопротивление. Подчеркивается, что, несмотря на определенные усилия, военные силы Украины все так же находятся в проигрышной ситуации.

Для оценки действий Украины также широко используются глагольные единицы и здесь мы снова видим лексемы с семантикой слабости, например, частотность использования глагола «to give up» (10 употреблений) – «уступать» и «сдаваться» используется для описания действий украинской

армии, по мнению журналистов, отдавших Крым без борьбы, как в следующем примере:

Why Ukrainian forces gave up Crimea without a fight – and NATO is alert (P. Polityuk. Reuters. 24.01.2017).

В статье утверждается, что украинские вооруженные силы «сдали» Крым, позволив России забрать его, даже не вступая в открытое противостояние. Подчеркивается военная слабость украинской стороны, ее неспособность дать отпор российским военным.

Похожее отношение прослеживается по отношению СМИ к реакции запада на присоединение. Используются лексемы со значением осуждения, критики, однако прослеживается неспособность повлиять на ситуацию. Например, часто используется лексема «to struggle» – «стараться» или «пытаться», подразумевая наличие неких трудностей, которые приходится преодолевать. Например, журналист The Guardian пишет:

The west was struggling to respond to Moscow's moves, with initial sanctions clearly having no real effect except to galvanise Moscow in its feeling of victimisation (S. Walker. The Guardian. 19.03.2014).

В данном случае глагол «to struggle» намекает на беспомощность западных стран, на неспособность адекватно ответить на действия российской стороны.

Для описания реакции западных стран на присоединение часто используется глагол «to condemn» – «осуждать» и глагол «to denounce» – «порицать», как в следующем примере:

Brazil, Gabon, India and China abstained on a draft resolution tabled in the UN Security Council which condemned Russia's illegal referenda and annexation of four Ukrainian territories and called for an immediate cessation of violence while underlining the need to find pathways for a return to the negotiating table (TBSnews. 01.10.2022).

В примере используется частотный глагол «to condemn» – «осуждать», лексема часто служит способом описания реакции других стран на

присоединение. Частотность использования языковой единицы (32 упоминания) говорит о том, что практически все страны мира осудили присоединение Крыма, так, на 2022 год о признании полуострова российским официально заявили всего шесть стран: Венесуэла, Никарагуа, Куба, Сирия, Северная Корея и Афганистан. Все остальные государства либо вовсе воздержались, либо отказались признать Крым российским, в результате чего мы и можем видеть столь широкое использование лексемы.

Обратимся к другому примеру:

Foreign Secretary denounces Russia's illegal annexation of Crimea (Gov. 21.03.2016).

Частотность использования глаголов «to condemn» и «to denounce» иллюстрирует международное неприятие действий России, так, практически все страны осудили присоединение Крыма, что мы и можем видеть в новостных сообщениях.

В следующем примере используется прилагательное «weak», чтобы описать реакцию западных стран на присоединение:

Russians thought the West's weak reaction showed they could take more without significant international pushback (S. Hall. Asia Times.18.03.2022).

Кроме стран, часто репрезентируются личности, которые каким-то образом влияют на развитие крымского кризиса. Например, в центре внимания СМИ регулярно оказывается образ президента Российской Федерации В.В. Путина, который, по мнению журналистов, и является человеком, ответственным за крымский конфликт. Наиболее частотная семантика, присущая характеристике президента – это его сила, нежелание следовать международным нормам ведения политического диалога и агрессивная политика в отношении партнеров. Например, для репрезентации образа В.В. Путина часто используется троп метафора. Этот стилистический элемент упрощает понимание сообщения аудиторией, а краткость, информативность и имплицитность тропа помогают удержать внимание аудитории, предоставляя широкие возможности для толкования сообщений.

Прием является столь популярным и эффективным именно потому, что механизм его работы основывается на ассоциативно-образной природе мышления. Он содержится в фразеологизмах, афоризмах и крылатых фразах, например:

Victims pile up in Putin's iron grip (M. Franchetti. The Times. 16.12.2014.).

Так, за метафорической «железной хваткой» скрывается импликатура – намек на тоталитарную власть, исключаящую любые демократические преобразования в стране. Благодаря использованию таких языковых единиц, в сознании читателей закрепляется образ В.В. Путина как авторитарного и властного лидера.

Кроме того, метафора часто используется при сравнении президента РФ с различными животными, чаще всего с медведем – «the Russian bear», как в следующем примере:

The bear roars at Europe: Putin's surprise military exercise irks Russia's neighbours (Washington Post. 05.04.2014).

Здесь необходимо вспомнить коннотации, которыми обладает лексема «bear». Во многих культурах медведь предстает агрессивным, однако могущественным и сильным животным. Эти качества в данном случае переносятся на президента РФ. Кроме животных, В.В. Путина также часто сравнивают с лидерами, которые стояли во главе России в прошлом, как в следующем примере:

For the moment, Putin is taking a leaf out of Stalin's book, blaming every problem on external enemies, internal wreckers or incompetents (The Guardian. 22.03.2017).

Оборот «to take a leaf from someone's book» в первом примере – «подражать, следовать примеру» призван в очередной раз подчеркнуть связь между политикой двух лидеров – В.В. Путина и И.В. Сталина. В западном обществе широко распространен образ Сталина-диктатора и Сталина-тирана, таким образом, подобное сравнение помогает укрепить в сознании читателя еще и Путина-диктатора.

Обратимся к другому примеру:

With this censorship and repression, Putin follows Joseph Stalin's model of walling off the Soviet Union by building socialism in one separate country (NBCNews. 19.03. 2019).

Во втором примере используются лексемы «censorship» и «repressions» для сравнения политики В.В. Путина и И.В. Сталина, подчеркивая несостоятельность внутренней политики и обилие репрессий. Используется глагол «to wall off» – «отгородиться», чтобы изолированность современной России от запада. Различие лишь в том, что раньше, во времена Иосифа Сталина страну окружала настоящая стена, во времена правления Путина Россию окружает стена условная – из репрессий и цензуры, не позволяющая информации появляться в информационном пространстве России и покидать его.

В определенный момент развития международного конфликта образ властного и могущественного диктатора уступает место другому образу, что мы видим в следующем примере:

The annexation formalities were preceded by (Putin's) angry, rambling speech that dwelled only briefly on either Ukraine or the four regions of which Russia now claims ownership (S. Walker. The Guardian. 30.09.2022).

В этом примере, датированном 30 сентября 2022 года, речь В.В. Путина называют агрессивной, злобной, однако в этом случае не остается никакой семантики силы – монолог назван «бессвязным, хаотичным» («rambling»). Такое использование лексико-семантических единиц призвано поддержать образ слабого, даже беспомощного человека.

Другой пример, журналист пишет:

Today, he offered an angrier but less coherent denunciation of the west, more angry taxi driver than head of state (S. Walker. The Guardian. 30.09.2022).

В статье автор описывает речь президента, сравнивая В.В. Путина с возмущенным таксистом, которые продолжает обличать грехи запада вместо того, чтобы управлять страной. Здесь образ властного диктатора уступает

место образу человека уже почти неуравновешенного, не способного на связный монолог.

В ряде случаев используется гипербола, как в следующем примере:

Putin may be the most effective economic reformer Russia has ever had (H. Broadman. Forbes. 30.09.2015).

Словосочетание «the most effective economic reformer» в заголовке статьи демонстрирует резко негативное персонифицированное отношение автора к описываемому факту. Автор использует иронию для описания экономических последствий, которые Россия переживает после объявления санкций, обвиняя в экономических неудачах политику В.В. Путина.

В другом примере мы видим:

A defiant President Putin officially makes Crimea a part of Russia despite fresh sanctions and angry condemnation from the West (Skynews. 30.03.2014).

Используя прилагательное «defiant» – «дерзкий» или «вызывающий», автор статьи характеризует президента России В.В. Путина, оценивая его политику как вызывающую и провокационную: несмотря на наложенные санкции и публичное неприятие общественностью, политический курс остается прежним, а полуостров все равно становится частью России. Для того, чтобы подчеркнуть протестный характер действий президента также используется наречие «despite» («несмотря на»). Здесь же прослеживается идея беспомощности Запада: используется прилагательное «angry» («рассерженный, разъяренный») в сочетании с существительным «condemnation» («осуждение»). Несмотря на определенные меры, в частности, санкции, западу остается лишь злиться и осуждать действия президента, потому что Россия остается верной своему политическому курсу.

В следующем примере мы видим:

The Russian President's first Victory Day appearance was in Moscow, where the annual display of nationalistic fervor was heightened by Russia's annexation of Crimea (L. Smith-Spark. CNN. 09.05.2014).

Посвященное Дню Победы выступление президента, по мнению журналиста CNN, оказывается поводом для проявления «nationalistic fervor» – «националистических настроений» или даже «националистического пыла». Подчеркивается, что годовщина присоединения Крыма становится для России лишь очередным поводом для продвижения националистических идей.

Обратимся к иному примеру:

Putin's flagrant violation of international law and the postwar order, through the annexation of Crimea, was an aggressive move to return to a world in which Russia was still an international superpower, filling its citizens with patriotic pride (The Guardian. 22.04.2017).

Здесь был использован глагол «to return» – «to go or come back, as to an earlier condition or place», подразумевается, что Россия уже не является могущественной страной и/или сверхдержавой и что присоединение было попыткой переменить порядок вещей. В новости присутствует оценка события, его номинация, апелляция к агрессии Российской стороны. Автор называет основания для такого поведения России – наполнить граждан патриотической гордостью, а не воплотить в жизнь желание жителей полуострова. По мнению журналиста, путинское «вопиющее» («flagrant») нарушение международных законов и послевоенного баланса сил, примером которого и является присоединение Крымского полуострова, было в первую очередь способом вернуть Россию в число сверхдержав наполняет россиян чувством патриотической гордости. Не в первый раз прослеживается идея о том, что референдум являлся всего лишь формальностью, а на самом деле он всего лишь являлся политическим ходом правительства, которое находится в безвыходном положении. В.В. Путин предстает перед читателем расчетливым провокатором, действия которого находят поддержку среди населения страны.

Таким образом, для дискурсивной репрезентации участников присоединения крымского полуострова повсеместно используются имена

собственные, выступающие единицами прямой номинации стран-участников, что позволяет представить присоединения относительно основных сторон конфликта и их роли в этом конфликте. Частотность единиц номинации Российской Федерации обусловлена ролью страны как инициатора конфликта и основного участника политического события. В проанализированных контекстах Россия в большинстве случаев репрезентируется как агрессор, угрожающий мировому порядку путем вторжения на территорию другой страны с использованием вооруженных сил и армии. Подчеркивается военный потенциал страны, используются лексемы, объединенные темами агрессии и враждебности. Украинская сторона в конфликте, наоборот, считается жертвой агрессора, что подчеркивается выбором лексем с семантикой слабости, которые характеризуют растерянность украинской стороны. Для репрезентации других участников конфликта, в частности, Европы и Америки, используются лексемы со значением осуждения, критики. Кроме того, российская сторона часто персонифицируется и личность президента В.В. Путина становится важной частью репрезентации образа российской стороны. Так, некоторые характеристики, присущие, по мнению журналистов, президенту Российской Федерации, распространяются также и на Россию как страну – участницу конфликта. Наиболее частотная характеристика президента основана на его силе и могуществе, вместе с тем, многократно подчеркивается агрессивность риторики по отношению к политическим партнерам. Выражается это при помощи таких адъективов, как «defiant», «angry» и др., а также при помощи сравнений и метафоры: частотным смыслом становится схожесть президента с российскими лидерами прошлого и рядом животных. С течением временем, однако, образ президента в СМИ радикально меняется и, если в начале конфликта мы повсеместно видим лексемы с семантикой власти, то, чем ближе мы приближаемся к настоящему моменту, тем более критическими по отношению к образу президента становятся статьи.

2.4. Временной аспект и последствия события

Проведенный анализ показал, что основными дискурсивными стратегиями, которые используются для репрезентации временного плана присоединения Крыма, выступают проецирование ряда событий, относящихся к событию и эксплицитное представление протяженности конфликта, а также его последствий.

Так, проецирование ряда событий, относящихся к присоединению крымского полуострова репрезентируется при помощи количественных числительных, указывающих на год аннексии (2014), предшествующим присоединению событиям и субстантивов-номинативов месяца и даты проведения референдума о статусе Крыма (18 марта 2014), который становится первым в череде последствий «вторжения», России как в следующих примерах:

1. *It is believed that these are Russian soldiers traveling on armored personnel carriers near Sevastopol, 10 March 2014* (Topwar. 14.03.2014).

2. *An official treaty of annexation between Russia on one side and Crimean separatists on the other was signed in the pompous Grand Kremlin Palace on March 18* (D. Fisher. Forbes. 24.03.2014).

3. *Russia invaded and annexed Crimea in February and further in March of 2014* (Profolus. 14.01.2022).

Данные языковые единицы выступают в качестве средств репрезентации последовательности событий внутри конфликта, что помогает выстроить диахроническую картину произошедшего. Примечательно, что в настоящее время в англоязычном медиадискурсе процесс присоединения представляется скоротечной чередой событий длиной всего в несколько месяцев, что конструирует образ стремительного государственного переворота. Событие чаще всего рассматривается изолированно, редко

обсуждается мотивация сторон, участвующих в конфликте, зато часто упоминаются последствия для российской и украинской сторон, в особенности, негативные последствия действий Российской Федерации, как для самой России, так и для всего мира.

Обратимся к примеру:

Further provocations will achieve nothing except to further isolate Russia and diminish its place in the world (M. Smith. CNN. 17.03.2014).

В данном примере, датированном 17 марта 2014 года, журналист обращает внимание читателя на стремление российских политиков «дистанцировать» страну от Запада, утверждая, что «дальнейшие» («further») подобные шаги лишь усугубят пропасть между странами, сделав Россию еще более изолированной и уменьшив ее влияние. Подразумевается, что Россия на тот момент уже является страной изолированной, ее международное влияние пострадало и пострадает еще, если Россия продолжит вести столь агрессивную внешнюю политику.

В результате событие репрезентируется как краткий переворот, который, после вынесения решения по референдуму, трансформируется в вялотекущий конфликт и, в течение следующих 8 лет воспринимается именно как затянувшееся противостояние. Последствия конфликта представляются эксплицитно, в частности, при помощи предлога очередности «after» и количественных и порядковых числительных:

Russia's Crimea invasion was good for Putin. But five years later, the nationalist glow is gone (NBCNews. 19.03.2019).

В примере репрезентируются последствия присоединения, которые журналист увидел в Крыму спустя пять лет после присоединения. В примере используется существительное «glow» – пыл, жар, настрой. Журналист говорит про «националистический» настрой, присущий президенту, фактически обвиняя Россию в продвижении националистических идей.

В другом примере мы видим следующее:

Five years after annexing Crimea from Ukraine, Russian President Vladimir Putin has celebrated the March 18 takeover by visiting the Black Sea peninsula with great pomp, enveloped in patriotic propaganda (NBCNews. 19.03.2018).

Здесь, помимо использования отглагольного существительного «annexing» – «аннексирования» (крымского полуострова), то есть, прямой номинации события, используется также существительное «pomp» – «impressive and colourful ceremonies, especially traditional ceremonies on public occasions», что подчеркивает торжественность и помпезность церемоний по поводу насильственного присоединения полуострова. Словосочетание «to be enveloped in patriotic propaganda», в свою очередь, обращает внимание читателя на обилие патриотической пропаганды, призванное сделать событие таким величественным в глазах общественности

Обратимся к следующему примеру:

Russia is celebrating its eight year anniversary of Crimea's annexation – as its military intensifies its aggression in Ukraine (Skynews. 19.03.2022).

В этом примере мы видим существительное «annexation», с помощью которого автор подчеркивает, что праздник в честь годовщины насильственного присоединения Крыма соседствует с жестокостью и агрессией со стороны российской армии. Кроме того, глагол «to celebrate» – «праздновать, веселиться» обладает выразительно положительными коннотациями, что акцентирует внимание читателя на жестокости современной России, «радующейся» насилию и террору. Автор утверждает, что россияне «празднуют» годовщину насильственного присоединения части территории другого государства, в то время как армия продолжает «усиливать агрессию на Украине». Таким образом СМИ стремятся дискредитировать российскую сторону, выставить ее агрессором, и создать образ угрозы, противника мирового порядка. Можно утверждать, что за 8 лет, прошедших с момента присоединения Крымского полуострова, позиция иностранных СМИ ничуть не изменилась, событие все так же воспринимается как проявление агрессии, а каждый новый повод

используется журналистами для критики действий России на полуострове и представления российской стороны в неблагоприятном свете. Так, подчеркивается военная агрессия России по отношению к Украине, неуместность проведения увеселительных мероприятий, связанных с таким жестоким событием, как аннексия полуострова и обилие патриотической пропаганды, призванной убедить людей в правомерности присоединения.

Кроме того, часто подчеркивается, что присоединение Крыма стало отправной точкой конфликта между Россией и Украиной, как в следующем примере:

Crimea vote paved way for wider Russia invasion (S. Hall. Asia Times. 18.03.2023).

В примере используется идиома «to pave the way» – «подготовить почву, устранить препятствия», подразумевает наличие у России дальнейших планов по экспансии и захвату территории других стран. Иллюстрируются агрессивные настроения, присущие государству, его намерения продолжать развивать жесткую риторику.

Таким образом, основными дискурсивными стратегиями, использующиеся для репрезентации временного аспекта, являются проецирование ряда событий, относящихся к событию и эксплицитное представление протяженности конфликта. Проецирование событий, относящихся к присоединению, репрезентируется при помощи количественных числительных, указывающих на год аннексии (2014), предшествующим присоединению событиям и субстантивов-номинативов месяца и даты проведения референдума о статусе Крыма (18 марта 2014). Эксплицитное представление протяженности конфликта реализуется при помощи использования предлогов очередности и количественных и порядковых числительных. Утверждается, что за 8 лет, прошедших с момента присоединения Крымского полуострова, событие все так же воспринимается как проявление агрессии, а каждый новый повод используется журналистами для критики действий России на полуострове и

представления российской стороны в неблагоприятном свете. Так, подчеркивается военная агрессия России по отношению к Украине, неуместность проведения увеселительных мероприятий, связанных с таким жестоким событием, как аннексия полуострова, и обилие патриотической пропаганды, призванной убедить людей в правомерности присоединения. Кроме того, часто подчеркивается, что присоединение Крыма стало отправной точкой конфликта между Россией и Украиной. Наиболее частотным смыслом является незавершенность конфликта и его влияние на текущую ситуацию в мире.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Проведенный анализ 100 новостных статей ведущих британских и американских информационных агентств (*BBC News, Sky News, Fox News, CNN, The New York Times* и др.) позволил выделить следующие аспекты присоединения крымского полуострова, получающие дискурсивную репрезентацию в медиадискурсе:

1. Номинация события.
2. Оценка события.
3. Участники события.
4. Временной аспект и последствия события.

Номинативный аспект присоединения Крыма реализуется при помощи прямых и метафорических номинативных единиц различной частеречной принадлежности, номинирующих событие как незаконную аннексию. Наиболее частотным смыслом становится противоправность действий российской стороны, что выражается политическими терминами с негативными коннотациями и семантикой агрессии («*annexation*», «*invasion*», «*takeover*», «*to annex*» и др.), а также прямыми и метафорическими номинативами («*aggression*», «*to violate*» и др.). При помощи данных языковых средств вопрос нелегитимности присоединения Крыма ставится открыто, а правительство Российской Федерации обвиняется во лжи и враждебности по отношению к международным партнерам. В своей совокупности упомянутые транслируемые смыслы помогают сконструировать событие как незаконное, а действия российской стороны представить как агрессивные по отношению к территориальной целостности Украины и международным стандартам ведения политики.

Оценке подвергаются различные аспекты политического события, в частности наиболее частотными элементами присоединения, подвергающимся оценке со стороны англоязычных СМИ, можно назвать политическую стратегию России, которая оценивается как агрессивная и

враждебная по отношению к установленным правилам ведения внешней политики, и референдум о статусе Крыма, названный нелегитимным и непрофессиональным. Такая оценка конструируется при помощи различных лексико-семантических единиц, в частности адъективов («*aggressive*», «*sham*» и «*illegal*» и др.), объединенных общей семантикой неправильности действий российской стороны и недоверия к официальной позиции России по «крымскому вопросу». Можно утверждать, что категория оценочности присутствует при описании всех элементов события, поскольку большая часть журналистов разделяют мнение о неправильности действий России на полуострове, таким образом, каждый аспект события становится способом подвергнуть Россию наказанию, иллюстрируя неправильность ее действий.

В свою очередь, участники присоединения крымского полуострова репрезентируются использованием имен собственных, которые выступают единицами прямой номинации стран-участников, что позволяет представить присоединения относительно основных сторон конфликта и их роли в этом конфликте. Частотность единиц номинации Российской Федерации обусловлена ролью страны как инициатора конфликта и основного участника политического события. В проанализированных контекстах Россия в большинстве случаев репрезентируется как агрессор, угрожающий мировому порядку путем вторжения на территорию другой страны с использованием вооруженных сил и армии. Подчеркивается военный потенциал страны, используются лексемы, объединенные темами агрессии и враждебности. Украинская сторона в конфликте, наоборот, считается жертвой агрессора, что подчеркивается выбором лексем с семантикой слабости, которые характеризуют растерянность украинской стороны. Для репрезентации других участников конфликта, в частности, Европы и Америки, используются лексемы со значением осуждения, критики.

Наконец, временной аспект репрезентирован посредством проецирования событий, относящихся к присоединению, и эксплицитного представления протяженности конфликта. Проецирование событий,

относящихся к присоединению, репрезентируется при помощи количественных числительных, указывающих на год аннексии (2014), предшествующим присоединению событиям и субстантивов-номинативов месяца и даты проведения референдума о статусе Крыма (18 марта 2014). Эксплицитное представление протяженности конфликта реализуется при помощи использования предлогов очередности и количественных и порядковых числительных. Проанализировав изучаемые материалы, становится ясно, что за 8 лет, прошедших с момента присоединения Крымского полуострова, событие все так же неизменно воспринимается как проявление агрессивной риторики, присущей современной России, а каждый новый повод используется журналистами для критики действий России и представления российской стороны в неблагоприятном свете. Так, наиболее частотным смыслом является незавершенность конфликта и его влияние на мир сегодня.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью настоящего исследования было выявление и анализ способов дискурсивной репрезентации присоединения Крыма в англоязычном медиадискурсе. Исследование основано на 100 новостных сообщениях ведущих британских и американских информационных агентств и интернет-порталов.

Мы выделили следующие аспекты присоединения крымского полуострова, получающие дискурсивную репрезентацию в медиадискурсе:

1. Номинация события.
2. Оценка события.
3. Участники события.
4. Временной аспект и последствия события.

Номинативный аспект присоединения Крыма реализуется при помощи ряда дискурсивных стратегий, а также прямых и метафорических номинативных единиц различной частеречной принадлежности, номинирующих событие как незаконную аннексию. Наиболее частотным смыслом является противоправность действий российской стороны, что выражается политическими терминами с негативными коннотациями и семантикой агрессии («annexation», «invasion», «takeover», «to annex» и др.). При помощи данных языковых средств вопрос нелегитимности присоединения Крыма ставится открыто, а правительство Российской Федерации обвиняется во лжи и враждебности по отношению к международным партнерам. В своей совокупности упомянутые транслируемые смыслы помогают репрезентировать событие как незаконное, а политику российской стороны представить как агрессивную по отношению к Украине, а также международным стандартам ведения политики.

Категория оценочности присутствует во всех составляющих политического события, и, поскольку большинство западных журналистов разделяют мнение о виновности России, каждый из аспектов становится

способом осудить действия российской стороны на полуострове. В частности, наиболее частотными элементами присоединения, подвергающимся оценке со стороны англоязычных СМИ, можно назвать политическую стратегию России, которая оценивается как агрессивная и враждебная по отношению к установленным правилам ведения внешней политики, и референдум о статусе Крыма, названный нелегитимным и непрофессиональным. Такая оценка конструируется при помощи различных лексико-семантических единиц, в особенности адъективов («*aggressive*», «*sham*» и «*illegal*» и др.), объединенных общей семантикой неправильности действий российской стороны и недоверия к официальной позиции России по «крымскому вопросу».

В свою очередь, участники присоединения крымского полуострова репрезентируются повсеместным использованием имен собственных, которые выступают единицами прямой номинации стран-участников, что позволяет представить присоединения относительно основных сторон конфликта и их роли в этом конфликте. Участники события подразделяются на следующие группы: Россия, Украина, а также ряд стран, косвенно участвующих в конфликте. Стороны репрезентируются при помощи использования имен собственных, выступающих единицами прямой номинации стран-участников: «Russia», «Ukraine», «West», «the USA» и др.; а также их коллокатов с оценочной семантикой («to struggle», «to give up», «to condemn», «to denounce» и др.). Частотность единиц номинации Российской Федерации обусловлена ролью страны как инициатора конфликта и основного участника политического события. В проанализированных контекстах Россия в большинстве случаев репрезентируется как агрессор, угрожающий мировому порядку путем вторжения на территорию другой страны с использованием вооруженных сил и армии. Подчеркивается военный потенциал страны, используются лексемы, объединенные темами агрессии и враждебности. Украинская сторона в конфликте, наоборот, считается жертвой агрессора, что подчеркивается выбором лексем с

семантикой слабости, которые характеризуют растерянность украинской стороны. Для репрезентации других участников конфликта, в частности, Европы и Америки, используются лексемы со значением осуждения, критики. Кроме того, российская сторона часто персонифицируется и личность президента В.В. Путина становится важной частью репрезентации образа России в этом конфликте. Так, некоторые характеристики, присущие, по мнению журналистов, президенту Российской Федерации, могут распространяться также и на Россию как страну – участницу конфликта. Наиболее частотная характеристика президента основана на его силе и могуществе, однако многократно подчеркивается агрессивность риторики по отношению к политическим партнерам. Выражается это при помощи таких адъективов, как «defiant», «angry» и др., а также при помощи сравнения и метафоры: частотным смыслом становится схожесть президента с российскими лидерами прошлого и рядом животных. С течением времени, однако, образ президента в СМИ радикально меняется и, если в начале конфликта мы повсеместно видим лексемы с семантикой власти, то, чем ближе мы приближаемся к настоящему моменту, тем более критическими по отношению к образу президента становятся статьи.

Временной аспект репрезентирован при помощи дискурсивных стратегий проецирования событий, относящихся к присоединению, и эксплицитного представления протяженности конфликта, а также его последствий. Проецирование событий, относящихся к присоединению, репрезентруется при помощи количественных числительных, указывающих на год аннексии (2014), предшествующим присоединению событиям и субстантивов – номинативов месяца и даты проведения референдума о статусе Крыма (18 марта 2014 года). Эксплицитное представление протяженности конфликта реализуется при помощи использования предлогов очередности, а также количественных и порядковых числительных. Проанализировав изучаемые материалы, становится ясно, что за 8 лет, прошедших с момента присоединения Крымского полуострова,

событие все так же воспринимается как проявление агрессии, а каждый новый повод используется журналистами для критики действий России на полуострове и представления российской стороны в неблагоприятном свете. Наиболее частотным смыслом является незавершенность конфликта и его последствия, влияющие на мир сегодня.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 282 с.
2. Анненкова И.В. Медиадискурс XXI века: лингвофилософский аспект языка СМИ. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. 390 с.
3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 338 с.
4. Арутюнова Н.Д. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.
5. Арутюнова Н.Д. Дискурс. Речь // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.
6. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред. Ю.С. Степанова, пер. с фр. Ю.Н. Караулова. М.: Прогресс, 1974. 446 с.
7. Ван Дейк Т.А. К определению дискурса [Электронный ресурс]. 1998. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения: 02.11.2022).
8. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ.: лингвистика языкового существования. М.: Новое лит. обозрение, 1996. 351 с.
9. Горбачева Е.В. Политический дискурс как механизм формирования государственно-гражданских отношений: автореф. ... канд. полит. наук: 10.01.10. М., 2007. 23 с.
10. Гречихин М.В. Современный русский медиадискурс: язык интолерантности: на материале языка российских СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Белгород, 2008. 21 с.
11. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2007. 287 с.

12. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. М.: Языки славянских культур, 2005. 340 с.
13. Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник московского университета, 2006. Вып. 2. С. 20–33.
14. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь): учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 263 с.
15. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы. М.: КДУ, «Добросвет», 2020. 178 с.
16. Карасик В.И. Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. тр. Волгоград; Саратов: Перемена, 1998. 232 с.
17. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
18. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
19. Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. М.: Медиа-Мир, 2008. 242 с.
20. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Альянс, 1990. 253 с.
21. Конституция (Основной закон) РСФСР в ред. от 21.01.1937 г. // Конституция РФ [Электронный ресурс]. 2023. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/red_1937/3959896/ (дата обращения: 02.03.2023).
22. Кравчук, экс-президент Украины: Ельцин просил вернуть России Крым... // комсомольская правда [Электронный ресурс]. 2014. URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/26207/3093145/> (дата обращения: 03.04.2023).

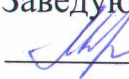
23. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. 270 с.
24. Кубрякова Е.С. Словообразование // Серебrenикова Б.А. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972. 564 с
25. Лейман И.И. Наука как социальный институт. Ленинград: Наука, 1971. 177 с.
26. Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики. М.: Прогресс, 1978. 480 с.
27. Обращение президента Российской Федерации // Президент России [Электронный ресурс]. 2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/20603> (дата обращения: 02.09.2022).
28. Олешков М.Ю. Системное моделирование институционального дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Нижний Тагил, 2007. 43 с.
29. Попова Т.П. Характеристики институционального дискурса // ИСОМ, 2015. Вып. 6. С. 295–300.
30. Постановление от 5.02.1954 о передаче крымской области из состава РСФСР в состав УССР // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. 2023. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4929.htm (дата обращения: 02.12.2022).
31. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук: Ваклер, 2001. 651 с.
32. Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолнгвист. аспекты. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. 179 с.
33. Слышкин Г.Г. Аксиология языковой личности и сфера наивной лингвистики // Социальная власть языка: сб. науч. тр. Воронеж: ВГУ, 2000. С. 87–90.

34. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века: сб. статей. М.: РГГУ, 1995. С. 35–73.
35. Темнова Е.В. Современные подходы к изучению дискурса // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 26. С. 24–32.
36. Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис. Политические исследования, 2009. Вып. 5. С. 41–54.
37. Уварова Е.А. Медиатекст и медиадискурс: к проблеме соотношения понятий // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика, 2015. Вып. 5. С. 47–54.
38. Цивьян Т.В. Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. 302 с.
39. Черных А.И. Социология массовых коммуникаций: учеб. пособие. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 451 с.
40. Шаймиев В.М. Метадискурсивность научного текста: на материале лингвистических произведений: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. СПб, 1999. 494 с.
41. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография. Волгоград: Перемена, 2000. 367 с.
42. Benveniste E. General Linguistics. М.: URSS, 2002. 448 p.
43. Brown P., Levinson S.C. Politeness: some universals in language usage. New York: Cambridge University Press, 1988. 345 p.
44. Grimm J. Deutsches Wörterbuch [Электронный ресурс]. 2014. URL: <https://archive.org/details/deutschesworterb0000grim> (дата обращения: 02.09.2022).
45. Sorlin S. Language and Manipulation in House of Cards. A Pragmatic-Stylistic Perspective. London: Palgrave Macmillan, 2016. 267 p.
46. Stubbs M. Discourse Analysis: the sociolinguistic analysis of natural language. Oxford: Blackwell, 1983. 272 p.

47. Van Dijk T.A. What is Political Discourse Analysis // Belgian Journal of Linguistics, 1997. Vol. 11. P. 11–52.

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских и романских языков и прикладной лингвистики

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
 О.В. Магировская
« 22 » июня 2023 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

45.03.02 Лингвистика

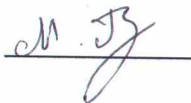
ДИСКУРСИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА К
РОССИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Научный руководитель

канд. филол. наук,
доц. Н.О. Кузнецова

Выпускник

М.Н. Федоренко

Нормоконтролер

М.В. Аспатурян

Красноярск 2023